

A black and white movie poster featuring a woman with long dark hair, wearing a crown of purple flowers. She is looking upwards with a somber expression. The background is dark and textured. The title and author's name are overlaid on the right side of the image.

Владимир
АЛЕНИКОВ

ФЕО
ТАНИЯ,
РИСУЮЩАЯ
СМЕРТЬ

18+

РИПОЛ КЛАССИК

Владимир Алеников

Феофания, рисующая смерть

«РИПОЛ Классик»

2026

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Алеников В. М.

Феофания, рисующая смерть / В. М. Алеников — «РИПОЛ
Классик», 2026

ISBN 978-5-386-15647-3

«Феофания, рисующая смерть» – это мистическая притча от известного режиссера и писателя Владимира Аленикова. В 2026 году эта история, вдохновленная его собственным фильмом 1991 года, обретает новую жизнь на страницах книги. В сердце глухой русской деревни, где тесно переплелись языческие обряды и христианские догмы, появляется загадочная знахарка Феофания. Она умеет лечить травами, говорить с природой и... возвращать красоту даже мертвым. Ее дар – это одновременно и дар, и проклятие, вызывающее у сельчан суеверный страх и благоговейную надежду. Когда в ночь на Ивана Купалу происходит первая зверская расправа, деревню захлестывает волна безумного ужаса. В поисках виноватого людская молва и церковный пастырь обрушивают свой гнев на Феофанию, объявляя ее ведьмой. Но кто на самом деле является чудовищем? Это захватывающая история о столкновении добра и зла, красоты и ненависти, веры и суеверия. Впервые – в формате книги. Погрузитесь в мир, где магия реальна, а страшнее любых чар оказывается человеческая слепая жестокость.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15647-3

© Алеников В. М., 2026

© РИПОЛ Классик, 2026

Содержание

Несколько слов об этой книжке	7
1. Иванов день	9
2. Сон	12
3. Урок	14
4. Первая жертва	16
5. Художница	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Алеников

Феофания, рисующая смерть

*Моему покойному другу и соавтору
Юрию Перову посвящается*

*На переплете фотоснимок Тамары Таны в роли Феофании в фильме Владимира Алени-
кова «Феофания, рисующая смерть».*
Фотография Игоря Гневашева

**РИПОЛ
КЛАССИК**

© Алеников В. М., текст, фотография на переплете, 2026

© Издание, оформление. ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2026

Несколько слов об этой книжке

В 1990 году в моей жизни случилось некое чудо, иначе я это назвать не могу. Мой драматический фильм-мюзикл «Биндюжник и Король» был отобран в конкурс Лос-Анджелесского международного кинофестиваля, что уже было неслыханно по тем временам. Помимо всего прочего, ехать на родину мюзиклов с мюзиклом из России представлялось чистым безумием, все равно как в Тулу со своим самоваром, но тем не менее я поехал. И оказалось, что наш фильм был не просто показан на большом фестивале, а стал, без всякой ложной скромности, его сенсацией. Достаточно сказать, что впервые в истории этого фестиваля фильм по просьбе зрителей был повторен дважды (и это в двухтысячном зале!), поскольку огромное количество желающих не смогли на него попасть и были этим фактом возмущены. На волне неожиданного успеха я получил с полдюжины предложений от голливудских продюсеров и в конечном счете подписал свой первый американский контракт.

Я настоял на том, что снимать картину буду только по своему сценарию, чужие даже не рассматриваю. Дело в том, что такой сценарий у меня был. Мы с моим близким другом и соавтором писателем Юрием Перовым как раз накануне моего отъезда на фестиваль его закончили, и я мечтал запуститься с ним в производство. Он назывался «Феофания, рисующая смерть». Мой продюсер, сломленный моим упрямством, на это в конце концов согласился. Только оговорил, что в главной роли будет крупный американский актер. Таким образом, в роли старосты Григория в нашем фильме снялся замечательный артист, настоящая голливудская звезда семидесятых-восемидесятых годов Джордж Сигал. А его партнершей, сыгравшей знахарку Феофанию, стала моя молодая жена, актриса Тамара Тана. Это была наша с ней третья совместная работа, следующая после «Биндюжника», где она играла рыбачку и, к слову, снималась там вместе с нашей новорожденной дочкой Асей.

У нового, снятого в 1991 году фильма оказалось целых три названия. В Америке он был известен как «Время тьмы» (Time Of Darkness), а в Европе – как «Очищение» (The Clearing). С оригинальным названием он появился только на родине, в России. Картина получила несколько фестивальных наград, и на этом, казалось бы, ее жизнь должна была закончиться, однако случилась вещь удивительная. Вообще должен заметить, что в моей судьбе не раз происходили события совершенно поразительные, порой почти необъяснимые.

В 2014 году, то есть почти через четверть века после окончания съемок, наш фильм неожиданно получил международную кинопремию «Капля», которая ежегодно вручается за лучшие мировые достижения в жанре остросюжетного кино и хоррора. Отдельной специальной премии «За вклад в развитие жанра хоррор» были удостоены три мои актрисы – Тамара Тана, Татьяна Новик и Анна Терехова, а также сценарист Юрий Перов. Сам я получил специальную премию за вклад в жанр хоррора и остросюжетного кино за три фильма по совокупности: «Феофания, рисующая смерть» (США, 1991), «Пистолет (с 6 до 7:30 вечера)» (США, 2003) и «Война Принцессы» (Россия, 2013). Я подозреваю, что поводом внезапно вновь заинтересоваться нашей давнишней картиной послужила прошедшая незадолго до номинирования на кинопремию шумная гала-премьера моего фильма с весьма непростой судьбой «Война Принцессы» на Московском международном кинофестивале. Так или иначе, мы с моим прекрасным другом и соавтором Юрием Перовым снова оказались в зоне внимания, когда нам вручали эти почетные награды.

И еще одна удивительная вещь произошла уже совсем недавно. В минувшем, 2025 году в моей жизни появилась продюсер Татьяна Глецевич, которая решила подарить вторую прокатную судьбу ряду моих старых картин. В том числе упомянутым выше фильмам «Биндюжник и Король», «Война Принцессы» и «Пистолет (с 6 до 7:30 вечера)». Также в этот список вошли фильмы «Сад» (1973), «Пробуждение» (1991), «Улыбка Бога, или Чисто одесская история» (2008), «Мастерская» (2017), «Странники терпенья» (2018), «Мятежники» (2024) и опять же «Феофания, рисующая смерть». Так что, возможно, зрители в конечном счете увидят этот фильм в кино. Это было бы правильно и справедливо, ведь в России он мало известен, выходил только на DVD, а в кинотеатрах и по телевизору показан не был, поэтому тут может идти речь о настоящей премьере.

Именно это недавнее событие и стало для меня толчком к тому, что я снова стал все больше задумываться об истории художницы и знахарки Феофании. Мне показалось, что эта история по-прежнему весьма актуальна, интересна и заслуживает того, чтобы рассказать ее в другом формате. К тому же для меня это было ценной возможностью опять окунуться в далекую, манящую меня эпоху.

Зачастую я сначала пишу книгу, а потом сценарий на ее основе. На этот раз все случилось наоборот. Книжка, которую ты, читатель, держишь в руках, это не сценарий картины и даже не ее, как теперь принято говорить, новеллизация. Это скорее повесть на ту же тему, в которой многое происходит по-другому. К примеру, в фильме в основе драматургии было противостояние между язычником Григорием и православным священником Агафангелом, в книге же история несколько иная. Впрочем, у заинтересованного читателя и зрителя будет возможность сравнить и сделать свои выводы в пользу одного или другого. Надеюсь, что в любом случае вы не будете разочарованы.

Владимир Алеников,
6 января 2026 г.

1. Иванов день

На Иванов день ночи короткие и теплые.

Когда солнце сваливалось за частокол еловых верхушек, в деревне тушились и затапывались все огни, кроме лампадки в маленькой деревянной церковке. Но и этого огонька не было видно, потому что деревенский церковник отец Агафангел считал, что, хоть праздник и христианский, празднуют-то его по-язычески. И сердито закрывал ставенки церкви, стоявшей в самом что ни на есть правильном месте, на вершине холма.

Затем посреди деревеньки в специальную колоду с выдолбленной лункой ставили бревно, наматывали на него пеньковую веревку, и два крепких мужика таскали ее, как пилу, в разные стороны. До пота, до одышки, до тех пор, пока из лунки, в которой крутилось бревно, не закурился тонкий голубой дымок.

Сидящий тут же на корточках Нестор, мальчонка лет двенадцати, большими внимательными глазами следил за бревном, подкладывал к лунке сухой мох с шелковистой берёстой и старательно вздувал пламя.

Как только показывался первый лепесток огня, к нему со всех сторон тянулись пучки соломы, лучинки, факелы, куски берёсты, хворостины. И каждый на свой лад, с благоговением перед неустаревающим чудом приговаривал:

- Чистый огонь!
- Чистый огонь!
- Чистый огонь!..

Вспыхивали десятки огней и разносились во все стороны. Кто-то нес свой огонек в горшке с углями, чтобы утром растопить печь. Кто-то зажигал в избе лучину. Кто-то разводил большой костер, который выстреливал в звездное небо высоким ярким пламенем.

Мальчишки горящими хворостинами чертили в воздухе круги и змейки.

А пока мужики и парни возились с огнем, молодые девки плели венки из луговых цветов и пускали их по воде.

Когда разгорелось и стало разваливаться костерище, парни начинали с разбегу прыгать через огонь, горделиво поглаживая после прыжка опаленные усы и бороды.

А когда пламя становилось пониже, осмеливались прыгать и девки. Потом прыгали парами...

Затем и дети с визгом и гиканьем, закрыв от ужаса глаза, повторяли подвиги взрослых.

После парни откуда-то прикатывали большое тележное колесо и долго и тщательно, обмениваясь шутками-прибаутками, мазали его густой смолой. Подожгли и под громкие вопли пустили вниз с холма.

И пока колесо катилось и исчезало в туманной прогалине, все провожали его восторженными взглядами, испытывая какой-то необъяснимый, невероятный душевный подъем.

А тем временем на луга и поля спускался густой ночной туман и покрывал травы обжигающей росой.

Молодые девки, воровато оглядываясь, исчезали куда-то по одной. Бесшумно, словно тени, пробирались они на прибрежные луга, где стояла еще не скошенная, высокая, в пояс, трава, и, быстро скинув одежду, катались в чем мать родила по студеной росе.

Одна из девушек, Анна, выбрала себе укромное местечко между кустами и уже подхватила было подол сарафана, как внезапно раздалось жуткое уханье филина. Мелко крестясь от страха, Анна присела и скрылась в низком тумане, но вскоре ее голова настороженно вынырнула из серой пелены.

Филин снова заухал. Анна поняла, в чем дело, и облегченно улыбнулась. Выпрямилась во весь рост, взялась за подол и решительно скинула с себя сарафан.

Потом, медленно опустившись на колени и широко раскинув руки, ладонями собрала росу с травы. Закрыв глаза, омыла ею лицо. При этом шептала про себя:

– Окунись в росу, заберу красу... Окунись в росу, заберу красу...

Повалилась в траву и каталась, растирая росу ладонями по всему телу и беспрестанно шепча, как заклинание, как молитву:

– Окунись в росу, заберу красу...

Не видела она, как из-за соседнего куста за ней неотрывно следят чьи-то горящие глаза.

А разгоряченные парни вымазали еще одно колесо, побольше, смолой, опять подожгли его и покатали вниз с холма, туда, где крутой берег приводил к невидимой сверху реке.

Двое самых резвых и ловких бежали рядом с горящим колесом и длинными рогатинами направляли его бег, не давая упасть.

Анна, уже завершив колдовской ритуал, искала в высокой траве свою одежду, и тут из-за ближайшего куста к ней метнулась чья-то тень. Девушка вскрикнула, отпрянула, но, взглядев-шись, успокоилась; губы ее тронула насмешливая улыбка.

К ней неспешно приближался огромный двуногий козел с острыми рогами. Но было что-то жутковатое в его безмолвном приближении, и мгновение спустя улыбка сползла с ее лица. Глаза удивленно округлились, потом в них мелькнул страх, и она, вскрикнув еще раз, в ужасе бросилась бежать.

Огненное колесо катилось с горы, освещая мир причудливыми таинственными бликами. Вслед ему раздавались ликующие выкрики и смех.

Но Анна, обезумевшая от страха, ничего этого не видела и не слышала. Она бежала по груди в густом тумане, подгоняемая сзади звуками частого сиплого дыхания.

Веселые ловкие парни снова и снова подталкивали рогатинами огненное колесо. Но вот оно взлетело в воздух, а затейники остались на берегу, прислушиваясь, как шипит упавшая в реку древесина.

Анна бежала, выбиваясь из сил. Босые ноги кровоточили, но она не обращала на это внимания. Черная козлиная тень неумолимо настигала ее.

Она не заметила края глубокого оврага, заполненного туманом, и, рухнув туда, покати-лась по крутому склону. Зацепившись за какую-то ветку, оборвалась и повисла нитка бирюзо-вых бус.

Преследователь нырнул в прореху разорванного тумана вслед за ней. Нагнал он девушку на самом дне оврага, навалился, зажал, притиснул к земле и, сдернув с головы маску, стал покрывать ее щеки, губы, шею, грудь поцелуями... Вернее, даже не поцелуями, а звериными укусами, оставлявшими кровавые следы...

Анна закричала, но тяжелая широкая ладонь закрыла ей рот.

А сельчане тем временем уже увлеклись новой забавой.

Кружились в веселом хороводе парни и девушки, не выпускали из круга незадачливого паренька, вновь и вновь пытавшегося вырваться наружу.

Козлиная голова валялась на траве.

Рядом, тяжело дыша, лежал на недвижимой девушке неузнаваемый в темноте то ли человек, то ли зверь.

Откинута рука Анны, судорожно сжимавшая выдранную вместе с землей траву, медленно и безвольно разжалась...

2. Сон

Никто в деревне толком не знал, откуда пришла Феофания. Кто-то помнил, что появилась она внезапно и оказалась очень даже к месту, поскольку Федоровна в ту пору сильно животом маялась. Феофания какого-то снадобья ей дала, у Федоровны все и прошло, будто и не было.

Потом еще приняла она тяжелые роды у Аксины. Старая местная повитуха Агриппина как раз преставилась, а больше и некому было, так что очень кстати помощь пришлась. Двойня родилась здоровенькой, оба выжили – и мальчик, и девочка. Да и сама Аксиныя вскоре оклемалась.

Так все и поняли, что знахарка она знатная, для людей нужная, и староста Григорий предложил Феофании остаться. Мужики помогли ей избушку справить. В самом конце деревни, правда, у опушки, но ей как раз нравилось, что место тихое.

Оказалось, что Феофания еще к тому же и в глине разбирается. Нашла какую-то особую на обрыве, стала из нее разные диковинные фигурки лепить. Сельчане поначалу косились, а потом попривыкли.

А сколько той странной Феофании годов набежало, никто почему-то и не спрашивал никогда. Видно, что молодуха, и ладная к тому же, вот и славно.

Так время и шло. Ежели у кого хвороба какая, то первым делом Феофанию зовут. И она завсегда помочь готова, будь то человек али скотина.

В эту праздничную ночь Феофания осталась дома, в деревенских забавах не участвовала, что-то в них ей противилось.

Пыталась заснуть, но отчего-то совсем не спалось. Все ворочалась, маялась. Только под утро одолел ее сон.

Но лучше бы и не засыпала. Уж больно пришедший наконец сон оказался страшным.

Сон этот был памятный, хотя и приходил к ней нечасто. Последние годы – так и совсем редко. Снилось ей мать, Дарина, привязанная к дереву и обложенная сухими ветками. Вокруг бесновалась толпа, орала:

– Ведьма! Жги ее! Умри, ведьма! Жги!.. – И кто-то самый резвый уже подбегал с факелом, поджигал хворост.

Дарина находила глазами десятилетнюю дочь и отчаянно кричала:

– Феофания! Не смотри! Беги!

– Мама!!! – истошно вопила в ответ Феофания.

Бросалась туда, где дым от горящих веток уже заволакивал несчастную женщину. Девочку перехватывал и уводил подальше от места казни какой-то сердобольный бородатый мужик, что-то приговаривал, гладил по голове, вытирал безудержные слезы...

Так, в слезах, она и проснулась, а потом долго приходила в себя.

3. Урок

Феофания шла по пригорку, внимательно глядя вокруг. За спиной у нее был берестяной короб. Нестор шагал за нею.

Неожиданно она остановилась и присела.

Рука ее – узкая, с длинными сильными пальцами – раскачала стебель цикория и ловко вытянула из земли, почти не оборвав корня.

Нестор, сидя на корточках, внимательно следил за каждым движением знахарки. Он не слышал ни гудения пчел, ни стрекота кузнечиков, ни звонкой песни неустомимого жаворонка. В ушах не смолкая звучала музыка вечности. Мальчишка от рождения был глухонемой. Огромными печальными глазами Нестор внимательно смотрел то на руки, то в лицо Феофании и удивительным образом понимал каждое ее слово...

Феофания очистила корень цикория от земли, разломила, потерла между пальцами и дала Нестору понюхать и попробовать.

При этом она что-то объясняла, что-то спрашивала.

Нестор согласно тряс головой. Глаза его радостно загорелись, как бывало всегда, когда он понимал урок.

Феофания выпрямилась, пошла дальше. Сорвала какой-то стебель и его молочным соком провела по ладони. Сок высох, а на ладони осталась черная полоса.

Немного погодя она нашла в густой траве еще два таких растения и, сорвав их, провела листиком одного, а потом другого по щеке мальчика.

В глазах Нестора сперва возникло удивление, потом он улыбнулся и возбужденно закивал, даже промычал что-то, пытаясь выразить свою радость.

Феофания нежно погладила его по светлым кудрявым волосам...

Они вышли на лесную поляну, ровно поросшую травой. Феофания вдруг резко дернула мальчика за рукав, и он, отлетев в сторону, чуть не упал.

А когда выпрямился, поднял на спутницу встревоженные, недоумевающие глаза.

Феофания предостерегающе погрозила пальцем и, сделав два-три осторожных шага, нагнулась, схватила за густую траву и вдруг подняла ее вместе с изрядным куском дерна.

Под дерном Нестор разглядел тонкие ветви, покрывающие глубокую яму. Он раздвинул ветки. В глубине белели вбитые в дно ямы заостренные колья.

Нестор вопросительно посмотрел на знахарку. Она улыбнулась и удивительно похоже показала медведя. Изобразила, как он проваливается в яму. Потом показала лося.

А закончив представление, уложила куски дерна на место. Как и не было никакой ловушки!

Нестор покачал в восхищении головой и попробовал аккуратно наступить на фальшивый покров. Феофания, однако, ухватила его за рукав и строго пригрозила пальцем.

– Запомни это место, Нестор! – четко артикулируя, проговорила она. – И никогда сюда не ходи!

Нестор, напряженно следивший за движениями ее губ, понимающе кивнул.

На склоне оврага Феофания подобрала с земли кусочки глины и, протянув мальчику, показала, как нужно разминать их в ладони. Смочила глину в лужице и быстро и ловко слепила маленького смешного человечка.

Нестор внимательно следил за ее руками.

Потом нерешительно взял кусочек глины и сам попробовал слепить что-то. Но у него ничего не получилось. Он застенчиво взглянул на Феофанию, огорченно пожал плечами, сжал глину в кулаке и забросил ее в овраг.

Позже они собирали зверобой. Нестор хватался за стебли всей ладонью, дергал что было силы, стараясь перекрутить упрямую травку.

Зверобой не поддавался.

Заметив это, Феофания мягко тронула мальчика за плечо и показала, как надо делать. Двумя пальцами взялась за стебелек и резко перегнула. Неподатливый стебелек легко переломился.

Нестор с недоверием попробовал повторить ее движение – получилось. Теперь он срывал цветок за цветком, и улыбка все ярче озаряла его лицо.

На склоне, где зверобой было особенно много, мелькнула среди зелени ярко-бирюзовая бусинка. Нестор поднял ее и долго рассматривал. Потом он нашел в траве другую, третью...

Идя от бусинки к бусинке, точно по следу, он нашел зацепившуюся за ветку оборванную нитку с несколькими оставшимися на ней бусинами.

4. Первая жертва

Нестор стоял на самом краю оврага. Нахмурившись, смотрел вниз. Видел он там, на дне, деревенского старосту Григория и еще двоих молодых мужиков – Авдей и Ивана. Все трое окружили обнаженное и окровавленное тело девушки. На ее лице навечно застыла гримаса отчаяния, боли и ужаса...

Крупный кряжистый староста что-то властно объяснял, а затем отдал короткий приказ. Авдей нагнулся, легко поднял мертвую девушку и, взвалив ее на плечи, как мешок с зерном, зашагал по дну оврага.

Староста двинулся вслед за ним. Последним брел Иван, понурившись и вытирая слезы подолом рубахи. Анна была его сестрой.

Нестор попятился, споткнулся, вскочил и побежал обратно к Феофании.

Она услышала отчаянное мычание мальчика, увидела его глаза и выронила берестяной короб с травами и кореньями. Бешено размахивая руками, Нестор звал ее за собой.

Теперь они оба стояли на краю оврага, и Нестор, мыча и жестикулируя, показывал вниз, где уже никого не было...

Феофания задумалась. Явно случилось что-то нехорошее. Было уже не до уроков, надо возвращаться.

Еще не доходя до деревни, Феофания услышала громкий, раздирающий сердце плач. Нестор заметил, как внезапно переменялось ее лицо. Он со страхом, по-детски ухватился за ее руку. Феофания ускорила шаг.

Запыхавшись, подбежали они к избе Анны, около которой стояла толпа мужиков и баб.

Авдей с каким-то веселым ужасом рассказывал подробности происшествия. Обращался он в основном к молодой разбитной девке Броньке, сестре Нестора.

– Вот, смотри, Бронька, тут, и тут, и тут – чисто клыки!

Он касался рукой то своей щеки, то горла, то груди, показывая, где были раны на теле девушки.

– Одно слово – оборотень...

– Господи, – истово крестилась богомольная Людмила, – Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас, грешных...

– А может, волки, Авдей? Или медведь? – сомневались мужики.

– Какие волки! Летом! Следы-то человеческие! – восторженно вскрикивал Авдей. – Право слово – оборотень!

– Леший!.. – неуверенно предполагали в толпе.

– Так у лешего козлиные копыта, а тут человеческий след. Ясное дело – оборотень! – стоял на своем Авдей.

В толпе крестились.

То затихали, то с новой силой вспыхивали вопли и причитания, доносившиеся из избы.

В черном провале двери появился местный батюшка, отец Агафангел. Продолжал разговор со старостой, который шел вслед за ним.

– И скажи знахарке, чтоб раны чем-нибудь замазала. Негоже в таком виде покойницу в церковь вносить...

– Знамо дело, соблазн! – прошептал кто-то в толпе.

– Справим, не сомневайся, батюшка, – уверенно ответил староста.

Нашел глазами Феофанию и указал ей на избу.

Та понимающе кивнула в ответ.

Народ расступился перед батюшкой.

Отец Агафангел прошел мимо Феофании, не взглянув на нее, словно ее и не было. Удалился, высоко подняв голову.

Людмила, попавшаяся ему на пути, поклонилась и, потупившись, засемила за батюшкой.

Феофания, запретив Нестору идти за ней, направилась в избу.

Люди опасливо уступали ей дорогу.

Авдей украдкой перекрестился, глядя ей вслед.

Григорий подозвал его к себе.

– Ты бы взял кого с собой и прошел по следу... Отец Агафангел велел поглядеть, куда он ведет. Может, и найдем злодея...

– А я, Григорий, думаю, что это не человек, – упрямо сказал Авдей и почесал затылок.

– А кто же тогда? – нахмурился староста.

– Оборотень, – понизив голос, брякнул Авдей и подмигнул Броньке. – А кто же еще!

Приоткрыв от напряжения рот, переводя глаза с одного на другого, за разговором мужиков внимательно следил Нестор, пытающийся считать слова по губам.

5. Художница

Бушевала гроза. Стало настолько темно, что в избе, где Феофания прибирала покойницу, пришлось зажечь лучину.

Сложив на печном шестке в самом устье небольшой костерок, Феофания варила на нем какое-то зелье. Рядом стоял берестяной короб, из которого она брала то порошок, завернутый в тряпочку, то какую-то веточку, то горсть только ей ведомых семян...

И мешала, мешала варево веселой, изредка поднося ее к носу, осторожно нюхая и морщась от резкого, едкого запаха.

Вспышки молний освещали изуродованное, застывшее в гримасе ужаса лицо покойницы – чудовищно распухшие губы, синяки на щеках, на шее и бесчисленные следы глубоких укусов.

Наконец запах и вид зелья удовлетворил Феофанию. Она сняла горшок с огня, погрузила в него белую тряпицу, вынула, слегка отжала и, встряхнув, наложила на лицо покойницы.

Разгладила так тщательно, что тряпица превратилась в белую трагическую маску.

Плескали синим мертвым светом в маленькие оконца молнии. Феофания сидела в углу под образами с зажженной лампадкой и думала о чем-то. Лица ее, скрытого черным платком, в темноте почти не было видно.

Проходило время.

Бушевавшая гроза постепенно сходила на нет.

Наконец Феофания встала и сменила тряпицу на лице покойной. Отошла к шестку и стала растирать что-то в плоской каменной ступке. Попробовала порошок пальцем, мазнула по тыльной стороне ладони и, поднеся ладонь к лучине, к свету, внимательно рассмотрела ее.

Одобрительно кивнула – результаты ее устроили.

Взяв ступку с порошком, она подошла к покойнице и сняла с ее лица тряпицу.

Синяки и отеки почти полностью сошли с лица мертвой девушки. Остались только изрядно побелевшие следы зубов, которые Феофания и начала припудривать, окуная пальцы в ступку с порошком.

Так она трудилась довольно долго, пока не сочла, что работа сделана. Отряхнула руки и платье и отошла в сторону, удовлетворенно глядя на покойную.

К этому моменту полностью кончилась и гроза. Феофания распахнула оконце, глубоко вдохнула чистый воздух, радостно поглядела вокруг. Расчистилось большими голубыми колодцами черное небо. Сверкнул солнечный луч, проник в раскрытое окно.

Феофания повернулась, следуя за лучом, осветившим лицо покойницы.

Оно было совершенно живое, неврежденное – и страшное в своей гримасе ужаса, боли и отчаяния. Знахарка вздрогнула, словно услышала нечеловеческий вопль, вырывающийся из разверстого в крике рта. Она тут же метнулась к покойной, прикрыла это кричащее мертвое лицо руками и, собрав все свои силы, сдавила его, как скульптор, что давит на кусок глины.

Долго не отнимала ладоней. Так и стояла, словно боялась чего-то. Потом, выдохнув, убрала руки.

Из трагического лицо стало испуганным.

Феофания хмурилась, вглядывалась, снова и снова опускала на него свои тонкие руки с длинными пальцами.

Лицо девушки постепенно менялось.

Осененная какой-то новой мыслью, Феофания торопливо рылась в своем коробе, доставала маленькие глиняные горшочки. Затем вновь склонялась над покойной и что-то делала с ее лицом.

Тяжело дыша, потная, растрепанная, ошеломленно смотрела она на дело рук своих, на свое творение, зябко передергивая плечами, как от озноба. Постепенно успокоилась, в глазах появилось удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Еще какое-то время она любовалась новым обликом Анны, а потом медленно накрыла плотным лицо покойницы. Руки дрожали.

Люди толпились около избы, негромко переговаривались, ждали.

Дверь распахнулась.

Феофания вышла из дома со своим извечным коробом за спиной и, никого не замечая, как если бы улица была совершенно безлюдна, подобно горячему ножу, режущему масло, прошла через расступившуюся толпу и направилась к реке.

Все молча смотрели ей вслед.

Слегка пошатываясь от усталости и напряжения, ничего не видя вокруг, она вышла за деревню... пошла по лугу... по берегу реки...

Машинально присела и высвободила чей-то веночек, зацепившийся за ветку плакучей ивы, опущенную в воду.

Ппустила веночек по воде, и он неторопливо поплыл по течению, постепенно погружаясь в воду и исчезая из глаз.

Бредя по прибрежной воде, по мелкой отмели, Феофания услышала затаенный девичий смехок. Сделала еще пару осторожных шагов и остановилась.

На берегу под навесом из веток и камыша на охапке сена лежал полуобнаженный Павел, один из самых видных молодых деревенских мужиков.

Бронька, едва прикрытая какой-то тряпицей, склонилась над ним, усталым, умиротворенным, разметавшимся, – водила по его разгоряченному телу длинной травинкой. Павел, не открывая глаз, машинально, словно во сне, отмахивался вялой рукой, притворяясь спящим. Но вот хищный огонек мелькнул между его смеженных век. Он резко приподнялся и поймал Броню за руку с травинкой. Она испуганно вскрикнула от неожиданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.